

ИМПЕРСКИЙ ХРАНИТЕЛЬ

◆ ДМИТРИЙ РА ◆
ТОМ 5

Хранитель Порядка

Дмитрий Ра

Имперский Хранитель. Том 5

«Дмитрий Ра»

2026

Ра Д.

Имперский Хранитель. Том 5 / Д. Ра — «Дмитрий Ра»,
2026 — (Хранитель Порядка)

Как решить любую проблему? Берёшь проблему и выбиваешь ей зубы – нет проблем. Так было раньше. Теперь я в цивилизованном мире аристократии, где власть решают не кулаки, а грязные панталоны в шкафу. Ну или скелеты, на костях которых обязательно нужно станцевать. Моя новая сила позволяет видеть то, что другие предпочли бы унести в могилу. И даже я – Хранитель Сердца Мира – не был готов к тому, чьи именно тайны мне предстоит раскрыть.

© Ра Д., 2026

© Дмитрий Ра, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Дмитрий Ра

Имперский Хранитель. Том 5

Глава 1

Вид с крыши особняка Мещерской – то ещё зрелище. Москва, залитая дымом и огнём, выглядит как декорация к фильму-катастрофе: всё горит, дымится, взрывается. Хотя, что-то уже сгорело, отдымилось и теперь дожидается, когда мы, наконец, перестанем за стольный град сражаться. Только мы не перестанем.

Я опираюсь на парапет. Вокруг – гул разрывов, сирены, чёрного дыма столько, что скоро придётся дополнить наши гардеробы противогАЗами. Юго-восток горит прям сильно, на севере тише. Гляжу на навигатор на смартфоне – моя локация прыгает по карте так, будто я совершаю турне по всей Москве. Орловцы совместно с четвертой расой глушат всё, что можно, некоторые сотовые вышки повалены. Хорошо, что я не планирую вызывать такси.

Вон оно как всё меняется. Если бы раньше мне сказали, что я буду стоять на крыше аристократического особняка и определять маршруты для вылазок по запаху гари, я бы посоветовал тому человеку поменьше употреблять. Но я-то здесь. И сейчас всё это, вдобавок, моя работа.

Внизу замечаю бродячего пса. Он тащит в зубах что-то тёмное и длинное, а конкретно, человеческую руку, оторванную по локоть. Тащит, разбрызгивая красные капли, затем скрывается в подворотне. Отворачиваюсь, и тут о-па, новый очаг пожара в стороне, только что его не было. О чём хочется подумать, глядя на всё это? Правильно – о том, что собачья жизнь здесь стала проще, чем человеческая.

По крайней мере, у собак нет иллюзий.

– Артём! – слышу голос Ирины. – Спускайся, Петров собрал совещание. У него новые данные по запасам.

Спускаюсь по лестнице, липко, на второй ступеньке кто-то что-то разлил. В доме пахнет всё тем же дымом, увы, это стало для меня привычнее, чем запах свежего хлеба.

Захожу в библиотеку. Мои ребята здесь. Петров с ноутбуком, серьёзный, не подходит. Гром, чистит автомат, разбирая его с такой сосредоточенностью, будто это древний артефакт, который может взорваться, если неправильно смазать. Ирина смотрит в окно. Мещерская сидит с видом королевы, у которой отобрали королевство, но не отобрали чувство собственного достоинства. Одновременно со мной входит Клавдия Петровна с подносом с горячими бутербродами и компотом в стеклянном кувшине.

– Опять чашки грязные, – ворчит она, ставя поднос на стол. Её руки в муке, на фартуке пятно от томатного соуса. – Петров, ты когда-нибудь научишься мыть посуду? Или ты думаешь, что я тут за твою прислугу?

– Клавдия Петровна, у меня отчёт, – оправдывается Петров, не поднимая глаз от экрана. – У меня просто нет времени. Война, знаете ли.

– У меня тоже нет времени, – отрезает она и грозит ему пальцем. – Но я нашла время. Не забывай, кто тебя кормит, Алексей.

Гром хмыкает, Мещерская насупливается, Ирина всё так же смотрит в окно, но теперь улыбается. Я сажусь, беру бутерброд – с маслом и колбасой, которая, правда, по вкусу, не сегодня начала свой путь к вечности. Но что говорить, Клавдия Петровна – единственный человек, который кормит нас так, будто завтра не наступит. Или будто это наш последний ужин.

– Продовольствия – на неделю, если не кормить ополченцев. Боеприпасов — если считать по мирному времени, то патронов хватит на десять локальных стычек. Если считать по-

нашему, то это три серьёзных боя. Или один-два дня активной обороны, если нас попытаются взять в кольцо. Я уже подсчитал: в идеальном раскладе мы продержимся дней пять. В реальном – пока у нас есть патроны.

Я слушаю, жую бутерброд. Мещерская хочет что-то сказать, но в этот момент дверь приоткрывается, и в щель просовывается голова связного.

– Командир, ополченцы, которых мы взяли на прошлой неделе, ждут в холле.

Я встаю, отряхиваю крошки.

– Я проверю их. Доверие – роскошь, которую мы больше не можем себе позволить.

Гром поднимает голову от автомата:

– Опять проверка? Ты же вчера проверял. Мы уже третью неделю этим занимаемся.

– Вчера я проверял тех, кто пришёл вчера. Сегодня проверю тех, кто пришёл сегодня. И завтра проверю тех, кто придёт завтра. Это моя работа, Гром. И она не заканчивается, даже если ты устал от неё.

Он молчит, но я вижу в его нитях тёмно-синие вспышки – раздражение, смешанное с уважением. Явно устал от того, что проверки никогда не заканчиваются, даже когда кажется, что всех уже проверили. А я знаю: они не могут закончиться, потому что подмена может произойти в любую минуту. В конце концов, я – тот, кто видит, он – тот, кто бьёт. И то, и другое необходимо, даже когда мы оба устали до чёртиков.

Я и Гром выходим в холл. Просторный, с высокими потолками и лепниной – когда-то здесь танцевали вальс, а теперь воняет потом и оружейным маслом. Ополченцы уже здесь – двадцать человек, бывшие военные, полицейские, но есть и случайные люди: вон тот, в мятой футболке с надписью «I love NY», вообще был таксистом до войны. Я смотрю на него и думаю: он надел её, чтобы твари не нападали, потому что он иностранец? Это, кстати, не работает. Твари не разбираются в географии.

Все эти ребята знают, зачем я здесь. И они не боятся – сами хотят, чтобы я их проверил. Потому что тоже боятся подмены.

– Построиться! – командую я.

Они становятся в шеренгу – не так филигранно, конечно, как это делают военные, а скорее как на уроке физкультуры, но мне хватает. Я прохожу вдоль, смотрю нити. У одного – серая, ровная, дисциплина. У другого – дрожащая, переживает. Третий – золотистая, благодарность за то, что он здесь.

У двоих – фиолетово-чёрные, неестественно ровные. Как натянутые струны. Подаю знак Грому, двое тут же бросаются к лестнице, где мы храним ящик с тротильными шашками. Гром валит одного прикладом, второго я встречаю «Сферой» – она встаёт мгновенно, как стеклянная стена, полупрозрачная и прочная. Он бьётся в неё, пытается выхватить что-то из кармана, по ходу гранату, но «Сфера» прижимает его к стене, зажимая руки. Гром уже рядом – он хватает его за запястье и ломает руку, окончательно не оставляя шанса дотянуться.

– Допрашиваем? – спрашивает он.

– Бесполезно, – отвечаю я, глядя в глаза подменённому. Они пустые, как у рыбы на прилавке. – Смотри.

Подменённый начинает рассыпаться – сначала пальцы, как песок в песочных часах, потом руки, потом всё тело – в чёрный песок. Песок сыплется на паркет, собирается в кучу, как пепел. Гром смотрит, стискивает челюсти. Его рука на автомате сжимается так, что от такой силы сжатия пули сейчас сами начнут вылетать из дула.

– Твою мать, – говорит он. – Они же были с нами, я с ними чай пил. Смеялся над их шутками.

– Когда я проверял их вчера, они были людьми, – поправляю я. – Сегодня – уже нет. Подмена происходит быстро, незаметно, и мы не знаем, когда это случилось. Вот что делает их опасными.

Один из ополченцев – тот таксист в футболке – от испуга роняет винтовку. Она с грохотом падает на паркет, и я слышу, как Мещерская, которая тоже спустилась, за спиной вздыхает. Морщится, но ничего не говорит. Поднимаю винтовку, отдаю парню:

– Держи крепче, солдат.

У него трясутся руки, он кивает, сглатывает, и я вижу, как его нити становятся жёлтыми – испуг сменяется облегчением.

– Следующий раз, – говорю я, глядя ему в глаза, – не роняй. Я не хочу превращаться в твоего личного оруженосца.

Гром усмехается, его нити становятся теплее, золотистее.

Спускаемся в подвал. Здесь ящики с патронами и гранатами, аккуратно сложенные, с бирками, которые написал Петров. Проверяем, нет ли посторонних предметов. Эх, пригодился бы сейчас наш «Теплый», тот замечательный аномал с даром тепловидения. Но пусть он лучше приносит пользу у Воронцова, которому мы его передали – проверяет его людей и охрану. Там он нужнее, чем в подвале. А здесь я справлюсь и сам.

Всё проверили – углы, стены, пол. Никаких закладок, никаких свежих следов.

В углу подвала лежит старый ржавый топор – он тут, видимо, с момента основания особняка, и уже не раз попадался мне на глаза. Забираю. Просто чтобы не валялся. В этом мире каждая железка может стать оружием. Гром смотрит на меня с таким видом, будто я собрался красить этим топором стены в гостиной Мещерской:

– Ты же маг. Зачем тебе топор?

– На всякий случай, – поясняю я, взвешивая его в руке. – Если у меня кончится магия, я хотя бы смогу кого-нибудь зарубить. И потом, когда мы победим, он пригодится для дров. А они нам ещё понадобятся – в особняке становится холодно.

Он пожимает плечами, а я думаю, что, возможно, топор и правда пригодится. С магией иногда случаются перебои. Особенно когда я устаю.

Поднимаемся наверх, садимся за стол в кухне. Клавдия подаёт суп с лапшой и жареную курицу. Разливает по тарелкам, кладёт всем по куску хлеба.

– Ешьте, – командует она. – Я не для того готовила, чтобы вы голодали. Сил не будет – воевать не сможете.

Я сажусь между Ириной и Громом. Ирина молча намазывает на мой кусок хлеба мёд – я не люблю сладкое, но она знает, что это поднимает тонус. Её нити золотисто-тёплые, но мелко дрожат – волнуется за меня, но не лезет. Благодарю взглядом. Она отводит глаза.

– Ты не обидишься, если я не съем? – спрашиваю я, глядя на мёд.

– Обижусь, – отвечает она, не глядя. – Я знаю, что ты устал, но мёд – это энергия. Ешь.

Я ем. Мёд во рту смешивается с супом, получается странный вкус – сладкий и солёный одновременно.

Боец, молодой парень с щетиной и красными от недосыпа глазами, входит в кухню с рюкзаком, грязным, порванным в нескольких местах:

– Командир, я сходил. На Газетном, ну, на Тверской, там полуподвальный продмаг, вход был завален, но я разобрал. Тут банки с фасолью, тушёнка, галеты, даже пачка чая в жестяной банке.

Он выкладывает на стол несколько банок с фасолью и пачку галет – плотных, твёрдых, почти как нарезка из кирпича. Думаю, что ими можно не только питаться, но и обороняться.

– Рисковал, – говорю я. – Но молодец. Садись, поешь.

Парень садится, берёт ложку, руки его всё ещё дрожат. Клавдия наливает ему суп, и он начинает с жадностью есть. Его нити серые, усталые, но чистые.

И у нас снова гости. У ворот сразу около двадцати человек. Встречаю, выясняю – пробились из соседнего района. Осматриваю каждого – все грязные, с лицами серыми от усталости.

Среди них – дети, старики, женщины, некоторые еле переставляют ноги. Все чисты, ни одной фиолетовой нити.

– Разместите их в... где найдётся место, – приказываю я. – Дайте есть, пить. И скажите Клавдии, чтобы она нашла что-нибудь тёплое для детей.

Одна женщина, лет сорока, в платке, подходит ко мне, держит в руках фотографию, выцветшую, с загнутыми краями:

– Вы командир? – спрашивает она. – Вы не видели моего сына? Петя, восемь лет. Отбился от колонны у Парка Культуры.

Она показывает фото – мальчик в кепке с надписью «Москва», улыбается, щербится, на щеке родинка. Её глаза горят надеждой, которую я, конечно, не должен погасить ни в коем случае.

– Я дам задание разведке, – заверяю её. – Они проверят ту территорию. Если он там – мы его найдём.

Она благодарит, пытается изобразить улыбку, но её нити пульсируют синим – надежда и тревога смешались в один тугой узел. Она не знает, какой из них ослабить, чтобы не разорваться самой.

Пока я разговариваю с ней, один из её соседей – пожилой мужчина, лет семидесяти, с седой бородой, в потрёпанном пальто – начинает задыхаться. Хватается за горло, сипит, глаза вылезают из орбит. Приступ астмы.

– Гром! – кричу я. – Найди в аптечке!

Гром уже бежит. Я опускаю старика на землю, расстегиваю воротник рубашки, кладу голову на колени. Он ловит воздух ртом, как рыба на берегу, хрипит, его нити темнеют. Гром возвращается с аптечкой, роется в ней, находит старый ингалятор, протягивает мне. Мы даём ему два вдоха – он закашливается, сипит, но через минуту начинает дышать ровнее.

– Спасибо, сынки, – шепчет он, глядя на меня влажными глазами. – Спасибо. Вы меня спасли.

Его нити перестают дрожать, медленно наливаясь прежним серым цветом спокойствия.

Беженцев размещают, но я не успеваю присесть, как меня снова вызывают к воротам. Там мужик с тележкой, гружёной крупами, свечами и даже мылом – хочет обменять на патроны. Нити чистые, только жёлтые от жадности. Он сверкает глазами, потирает руки, и оценивает меня взглядом торговца, привыкшего к сделкам:

– Командир, у меня всё по высшему классу. Крупа – гречка, рис, пшено. Свечи – восковые, долго горят. Даже мыло есть – хозяйственное, сорок процентов жирности. А вы мне дайте пистолетик, и мы в расчёте. У вас же их много, я знаю.

– Пистолет есть, – говорю я. – Трофейный, с убитого мародёра. Только патроны к нему не подходят – у нас другие. Тебе он, может, и пригодится, если найдёшь свои. А мне от него проку мало. Я заберу крупу. Свечи и мыло оставь себе – у нас своего добра хватает.

– А без патронов он мне что? – торговец качает головой. – Железка.

– Железка, которая стреляет, если найдёшь патроны, – поправляю я. – Или кого-нибудь, у кого они есть.

Он думает, трёт лоб.

– По рукам, – наконец говорит торговец.

Я отдаю ему пистолет, забираю мешок с крупой. В тележке замечаю пачку старых пластинок – «Брызги шампанского», «Утомлённое солнце», «Рио-Рита» – они лежат, перевязанные бечёвкой. Торговец видит, что я смотрю на них, и говорит:

– За шоколадку отдам. Есть у тебя шоколадка? У меня дети, они любят сладкое.

У меня действительно есть в кармане батончик, который я прятал на случай, если захочу умереть счастливым или просто поднять себе настроение. Достая, отдаю. Он протягивает пластинки.

Вечерами можно будет крутить. Если патефон ещё работает. А если нет – будем петь сами. Война войной, а без музыки даже помирать скучно. И вообще, пусть враги знают: мы не просто сидим в подвале и ждём. У нас есть «Брызги шампанского», и мы умеем их слушать. Может, тоже захотят потанцевать. А может, решат, что мы безумцы. А безумцев обычно боятся сильнее.

Вдруг со второго этажа доносится звук, от которого звякают оконные стекла. Это краг, его голос – каменный, хриплый, срывающийся на дребезг:

– Я... смог! Я открыл! Портал! Сейчас!

Я замираю на мгновение, потом бросаю всё и бегу в дом, сразу к лестнице и на второй этаж. Гром, Ирина, Петров уже топают впереди меня, даже Клавдия с половником выбегает из кухни и сразу за мной. Врываемся в спальню Мещерской, посреди комнаты стоит Краг, его каменные руки дрожат, воздух перед ним светится, искажается, возникает гул, который почти перекрывает даже взрывы снаружи.

Разлом открывается резко, с хлопком, от которого у меня закладывает уши. Неровный, пульсирующий фиолетовым светом. И через мгновение из него, как из разорвавшегося мешка, вываливаются два тела. Павел и Катя. Грязные, в крови, из рюкзака Павла по полу рассыпаются вещи: какие-то камни, пустые консервные банки, обрывки бумаги. Катя падает на колени, опирается на руки, пытается встать, но не может – ноги подкашиваются, и она заваливается набок.

Её лицо бледное, в грязных потёках, глаза широко открыты. Павел держится за плечо, из-под пальцев сочится кровь. Он смотрит на меня, его губы шевелятся, но звука нет.

Катя рассматривает нас всех по очереди, облизывает потрескавшиеся губы, сглатывает и выдавливает из себя голос – хриплый, как будто она не говорила несколько дней:

– Остальные провалились глубже... Мы... мы успели выскочить...

Она замолкает. Я смотрю на неё, потом на портал. Он всё ещё открыт. Жду. Мы все ждём. Гром смотрит туда же. Ирина застыла с открытым ртом.

Разлом дёргается. Раз. Два. И затухает. Фиолетовый свет сжимается в точку, пока не гаснет совсем. Павел и Катя. Больше никого.

Катя начинает всхлипывать.

– Где остальные? – спрашиваю я.

Павел качает головой, не поднимая глаз.

– Не знаю. Мы не видели их. Мы бежали... просто бежали... А они ушли ниже... когда пол провалился, – шепчет он.

В том месте, где только что был портал, плавают в воздухе мелкие искры и тоже гаснут одна за одной. Краг напрягается, проводит каменными пальцами перед собой, рисует руками фигуры – пытается открыть разлом заново. Гром тоже трогает воздух, словно проверяя, не осталось ли там щели.

– Это всё? – спрашивает он, и в его голосе я слышу то, чего никогда не слышал раньше. Растерянность.

Краг отвечает глухо, не глядя на меня:

– Шов закрылся. Я не открою его ещё раз так быстро. И там, куда ушли остальные... там глубже. Туда... ещё труднее пробиться.

Он опускает голову, его каменные плечи тоже опускаются. Портал закрыт. Остальные не вышли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.